

Стратегии достижения межъязыковой эквивалентности при переводе на грузинский язык фразеологизмов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Strategies For Achieving Interlinguistic Equivalence When Translating The Phraseological Units Of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime And Punishment" Into Georgian

Сичинава Н.Г.

Канд. филол. наук, профессор-ассистент, Государственный университет Акакия Церетели
e-mail: nelli.sichinava@yandex.ru

Sitchinava N.G.

Candidate of Philological Sciences, Professor Assistant, Akaki Tsereteli State University
e-mail: nelli.sichinava@yandex.ru

Аннотация

Для художественной манеры Ф.М. Достоевского характерна риторичность речевой формы, что проявляется в обильном использовании средств языковой выразительности. Экспрессивность стиля великого писателя поддерживается также употреблением фразеологизмов. Именно устойчивые единицы языка, обладая ярко выраженными национальными чертами и коннотациями, способны создать серьезные барьеры при переводе на иностранный язык. Изучение грузинского перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» позволило сделать вывод о разнообразии приемов передачи использованного в нем фразеологического корпуса.

Ключевые слова: перевод, идиома, пословица, эквивалент, аналог, парафраза, опущение.

Abstract

The artistic manner of F.M. Dostoevsky is characterized by the rhetorical nature of the speech form, which is manifested in the abundant use of means of linguistic expressiveness. The expressiveness of the great writer's style is also supported by the use of phraseological units. It is the stable units of the language that have pronounced national features and connotations and are able to create serious barriers when translating into a foreign language. The study of the Georgian translation of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" allowed us to draw a conclusion about the variety of methods of transmitting the phraseological corpus used in it.

Keywords: translation, idiom, proverb, equivalent, analog, paraphrase, skipping.

Для художественной манеры Ф.М. Достоевского характерна риторичность речевой формы, что проявляется в обильном использовании средств языковой выразительности, тропов и синтаксических фигур. Экспрессивность стиля великого писателя поддерживается также употреблением фразеологизмов, в языковой природе которых изначально заложена многогранная палитра образов, обладающих действенной силой в качестве инструмента создания речевого мира литературного произведения. Исследование вопроса о функционировании фразеологизмов в романах Ф.М. Достоевского привлекает особое внимание специалистов в области перевода и межъязыковой коммуникации, так как именно устойчивые единицы языка, обладая ярко выраженными национальными чертами и коннотациями, способны создавать серьезные барьеры при переводе на иностранный язык.

Перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» был осуществлен в 1905 г. Иванэ Ахалшенишвили и публиковался им в номерах ежемесячного журнала „მკაბდე“, печатавшегося Типографией грузинского издательского товарищества в Тбилиси. Вторая, исправленная редакция данного перевода вышла отдельным изданием в 1957 г. в соавторстве с переводчицей А. Ахалшенишвили (Хахуташвили). Именно этот исправленный вариант неоднократно издавался в Грузии и издается до сегодняшнего дня. Отмечая достоинства данного перевода, драматург и переводчик Реваз Квеселава в 1959 г. писал в своей рецензии по поводу публикации на грузинском языке отдельного издания романа «Преступление и наказание», что в 1905 г. в Грузии появился хороший перевод одного из шедевров мировой литературы, в то время как в некоторых западных странах публиковались переводы романов Ф.М. Достоевского низкого или среднего качества. Особый акцент рецензент делал на хорошем грузинском языке перевода и обилии идиом, использованных переводчиками [10: 4].

Как справедливо заметил в свое время А.В. Федоров, «передача большого числа фразеологизмов оригинала облегчается наличием готовых соответствий в языке перевода; задача перевода заключается таким образом в нахождении имеющихся соответствий и выборе из их числа наиболее подходящих к данному контексту» [7: 185]. В ту эпоху, когда был выполнен первый перевод романа «Преступление и наказание» на грузинский язык, в распоряжении переводчиков ещё не было ни двуязычных словарей, ни переводных фразеологических словарей, отсутствовали сопоставительные исследования в области русской и грузинской фразеологии. Переводчики полагались исключительно на свою языковую компетенцию и блестяще справились со своей задачей, задействовав в своем переводе обширный фразеологический материал.

Современные переводчики располагают гораздо большими возможностями, чем грузинские авторы первого перевода романа Ф.М. Достоевского; их арсенал пополнился изданием «Грузинско-русского фразеологического словаря» (1966), уже в наши дни группой лингвистов Тбилисского государственного университета была создана электронная база фонда грузинских идиом и пословиц с эквивалентами на шести (английском, немецком, французском, русском, турецком и арабском) языках (2017).

Проведенный анализ показал, что авторы перевода используют четыре способа перевода ФЕ: 1) эквивалентом; 2) аналогом; 3) созданием кальки; 4) толкованием содержания ФЕ.

Самую малочисленную группу составили фразеологизмы, при переводе которых в тексте перевода были использованы эквиваленты. Полное совпадение входящих в состав идиом образных, а также эмоционально-экспрессивных и стилистических компонентов обнаружили следующие ФЕ: *выиграть время* – *დროს მოკება (დრო მოკვო)*, *греть руки* – *ხელებს ითბობს*, *поджечь хвост* – *კუდი ამოძუა*, *подавать надежды* – *იმედს იძლეოდა*, *ищете и обряцете* – *ეძიეთ და ჰპოვებთ*; *ногтя (мизинца) не стоит (чьего)* – *იმის ფრჩხილადაც არ ღირს*, *ясно как (божий) день* – *დაღესავით ნათელია*, *Ноев ковчег* – *ნოეს კიდობანი*. В данных примерах эквивалентные ФЕ грузинского языка воспроизводят как содержание исходной ФЕ, так и её прагматический потенциал.

Фразеологизмы-аналоги различаются структурой и внутренней формой, но при этом обладают сходными сигнификативными и коннотативными значениями. В основе выражаемых ими коннотаций лежат различные эмоционально-экспрессивные и оценочные характеристики действий, состояний и поступков персонажей. Например, несмотря на различие внутренних образов русского *рук не покладать* и грузинского *დაღესა და ღამეს ასწორებს* (букв.: «не различать дня и ночи») фразеологизмов, в обоих сравниваемых языках они употребляются для обозначения усердно, прилежно, постоянно работающего человека. Большинство из рассмотренных ФЕ этой группы имеют в своей структуре некоторые сходные компоненты, но передают одинаковый переносный смысл с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма, например: *хвататься за соломинку* – у грузинского аналога внутренняя форма мотивирована образом мха: *წყალწალებული ხავსს ეჭიდება* (букв.: «утопающий за мох хватается»), *по одежке протягивай ножки* – *საბანი როგორც ვაჭვდებს, ვუბო იხე გაჭიმეო* (букв.: «насколько хватает одеяла, настолько и вытягивай ноги»); *век живи,*

век учишь – კაცს სიბერემდე სწავლა არ მოსჭარბდებაო (букв.: «человеку до старости учиться на будет лишним») и др.

В ряде случаев переводчикам удалось достигнуть межъязыковой эквивалентности не только посредством использования эквивалентов и аналогов, но и за счет прагматического потенциала ФЕ грузинского языка, не имеющей в структуре своего значения сем, близких или сходных по значению с фразеологизмом ИТ. В таком случае переводческие решения подчиняются общей, целостной стратегии перевода. При передаче ФЕ исходного текста достижение коммуникативного эффекта в ряде случаев стало возможно благодаря контексту. Так, фразеологизм *держу карман (შიურე)* употребляется в русском языке в значении «не жди чего-л., не рассчитывай на что-л.». В речи Раскольников этот фразеологизм становится выражением негативного отношения героя, которое он демонстрирует в адрес Лужина: «Значит, все-таки на благородство чувств господина Лужина надеются: «Сам, дескать, предложит, упрашивать будет». Держу карман!». Переводчику удалось добиться реализации прагматического потенциала ФЕ за счет придания иронического оттенка значению грузинского фразеологизма *ვერსაფერს (არას, ვერას) დააკლებს* (в знач.: ничего не сделает, ничем не навредит кому-л.): «მამსადამე, ჩანს, ისევ ბატონი ლუჯინის კეთილშობილების იმედი აქვს. „თვითონვე მთხოვს, არ მომეშვებაო“. როგორ არა, არას დაგაკლებთ!» (Ср. с первоначальным вариантом: «სჩანს, მამსადამე, ისევ ლუჯინის კეთილშობილობის იმედი აქვთ: „თვითონვე მთხოვს, არ მომეშვებაო“. **ჯიბეს უფრთხილდი!**»).

Прием нанизывания близких по значению фразеологизмов оказывается эффективным в тех случаях, когда значение каждого из них в отдельности не покрывает полностью значения исходного фразеологизма. Именно таким способом передано в переводе значение фразеологизма *поднимать на зубок (на зубки)* (в знач.: «насмехаться, сплетничать») двумя грузинскими фразеологизмами: *მასხრად ავდება* (в знач.: насмехаться») и *კბილის გაკვრა* (в знач.: оскорблять, сплетничать, недобро отзываться).

Особого внимания заслуживают ФЕ с национально-этническим компонентом в значении. Выражение «ясный сокол» характерно для произведений устного народного творчества, оно дается в словарях с пометой «высокое». В Большом словаре русских поговорок В.М. Мокиенко (2007) идиома «ясный сокол» толкуется как стилистически возвышенное наименование мужчины или воина-юноши. В одном из эпизодов романа эта идиома приобрела иронический оттенок при обращении недовольной хозяйки к Раскольникову, просрочившему плату за комнату, которую он у нее снимал: «Денег не платите! Ишь какой вылетел сокол ясный!». Переводчик привлекает грузинскую идиому *წითელი კოჭი* (букв.: «красная катушка»). Хотя данная идиома употребляется в грузинском языке для характеристики человека, стремящегося быть или казаться самым лучшим, особенным, чем-нибудь выделяться среди окружающих, и в своей семантической структуре не содержит сем, позволяющих считать ее аналогом русской идиомы, в рассматриваемом контексте она как нельзя лучше передает прагматическую установку речи хозяйки, целью которой является желание унижить Раскольникова своей иронией. Электронный словарь идиом рекомендует переводить грузинскую идиому *წითელი კოჭი* как «выскачка», «что он за паца такая?», «воображала», «заснайка», которые служат прямыми номинациями отрицательной характеристики человека и не содержат иронии. Поэтому в данном случае переводческая стратегия верно передает прагматическое содержание оригинального текста и может рассматриваться в качестве прагматического (ситуационного) аналога русской идиомы.

После редактирования первоначального варианта перевода отдельные переводческие решения были изменены в пользу введения в контекст фразеологической единицы там, где изначально переводчиком был использован прием описательного перевода. Такой замене подвергся в переводе фразеологизм *одного поля ягода*: «Ну, не правду я сказал, что мы одного поля ягоды?». При передаче на грузинский язык была использована поговорка *ფერი ფერსა, მადლი ღმერთსა*, переносное значение которой полностью совпадает со значением ФЕ оригинала: «არა, ტყუილი ვთქვი მამ, რომ ჩვენ ორივენი ფერი ფერსა, მადლი ღმერთსა-

მეთქი?»). Данный перевод стоит признать более удачным, так как описательная конструкция лишала текст той эмоционально-экспрессивной окраски, которую придала речи Свидригайлова ФЕ, введенная Ф.М. Достоевским в речь персонажа. Ср.: «არა, ტყუილი ვსთქვი, მაშა, რომ ორივე ერთფერები ვართ-მეთქი?». Еще одним примером может служить перевод идиомы *ум за разум заходит*: «Черт возьми, у меня с этим делом ум за разум заходит!» – «ემმაკმა იცის ამ საქმის თავი და ბოლო, ლამის არის ტვინი ვიღრძო!» вместо первоначального варианта: «ემმაკმა იცის ამ საქმის თავი და ბოლო, ლამის არის მთლად გამოვყრუვდე!»).

В новой редакции фразеологизмы появились и там, где переводчик вовсе отказался передавать тем или иным способом содержание ФЕ оригинала, используя прием опущения:

«Меж тем комната наполнилась так, что яблоку упасть было негде». – «ოთახი ისე გაივსო ხალხით, ნემსი აღარსად ჩაიგდებოდა». Сравним с первоначальным вариантом: «ოთახი მთლად ხალხით გაივსო».

Удачно использован в переводе и прием калькирования, в основе которого лежит стремление переводчиков к сохранению фразеологического образа и экспрессивно-эмоциональной окрашенности русской единицы. Таким образом, в переводе удалось воспроизвести на грузинском языке внутреннюю форму фразеологизмов *был да весь вышел* – *იყო და აღარ გახლავთ, взвешивать каждое слово* – *ყოველი სიტყვა აკრიფოს და აწონოს, вытащить из грязи* – *ტალახიდან და წუმბიდან ამოგათრიე, идти на все четыре стороны* – *ოთხივე მხარეს გზა ჰქონდა თავისუფალი, схватить за хвост* – *კუდში წავაკვებ, слушает да ест* – *ვისმენს და ილუკმება* и др. Некоторые кальки в новой редакции перевода подверглись определенной перестройке, в результате которой удалось добиться стилизации под поговорку. Например: поговорка *хлеб-соль вместе, а табачок врозь* первоначально была передана буквально (*პურ-მარილი ერთადა, თამბაქო-კი ცალკეო*). Отказ от буквализма привел к созданию более приемлемого варианта перевода, в котором были использованы лексические модификации при сохранении опорных образов и смысла русской поговорки: *პურ-მარილი ზიარადო, თამბაქო კი ცალკერმადო*. Приём калькирования на основе лексических модификаций исходного фразеологизма был использован также при передаче таких единиц, как *перемена декораций* – *სურათი გამოიცვალა* (букв.: «картина переменялась»), *зачем мимо рта кусок проносить* – *გემრიელი ლუკმა ხელიდან რისთვის გავუშვათ* (букв.: «зачем выпускать из рук сладкий кусок») и др.

Авторам перевода пришлось отказаться и от буквальной передачи библейского фразеологизма *камень преткновения*. Буквализация фразеологического образа привела к возникновению в переводе образа камня, о который ломают себе шею. При таком переводе терялся иносказательный смысл ФЕ, обозначающей препятствие на пути к решению какой-либо задачи (синонимы: помеха, преграда, препона, препятствие, тормоз). В окончательной редакции исходный фразеологизм был заменен описательной конструкцией: «Черт возьми! Это камень преткновения для всех вам подобных...» – «თქვენთვის და ყველა თქვენი მსგავსისათვის თავსატეხი და გაურკვეველი სწორედ ეს არის» (ср.: «ყველა თქვენ მსგავრისათვის კისერ სატეხი ქვა ეს არის სწორედ»).

Значительное количество ФЕ романа было перефразировано. Анализ перифраз, использованных для передачи фразеологизмов исходного текста, обнаружил стремление переводчиков к сохранению стилистического регистра, который придается тексту благодаря использованию эмоционально-окрашенных ФЕ. Активно привлекаются разговорная, экспрессивно-окрашенная или метафоризованная лексика, которая позволяет в той или иной степени отразить стилистическую маркированность оригинала: *без гроша* – *ღარიბლატაკნი, руки опустили* – *მთლად გამრა, упасть на удочку* – *გაებმებიან, потерять нить* – *დაიბნა და აირია, дать тягу* – *მოუსვამდით* и др. В тех случаях, когда не удавалось сохранить стилистический потенциал исходного текста, ФЕ были преданы нейтральной, литературно-нормированной лексикой: «я все знаю, всю **подноготную**, и **денно и ночью** слежу за ним,

неусыпно его сторожу». – ყველაფერი ვიცი მისი, ყოველ ჟამსა და წუთს თვალყურს ვადევნებ, ერთთავად ვდარაჯობ, და ასე მყავდეს მუდამ ეჭვსა და შიშში». Стремясь компенсировать низкий стилистический потенциал перифраз, переводчики вводят ФЕ на месте свободных, фразеологически не связанных сочетаний. Прием компенсации в таких случаях придает переводу необходимую стилистическую маркированность.

В ряде случаев была возможна передача ФЕ оригинала путем использования грузинского эквивалента, однако переводчики не воспользовались этим способом. Так, идиома *по сердцу* (в знач.: нравиться, соответствовать чьим-л. вкусам) в переводе передана экспрессивным глаголом *ეპიტნავენათ*: «...тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу» – «...სიდედრები არაფრად ეპიტნავენათ სიძეებს»; между тем в данном случае был возможен перевод с использованием грузинского аналога *თვალში ეკლად სწრია/უზის* (в знач.: не нравиться, недолго любить, ненавидеть).

Еще одним примером может служить перевод пословицы *кто в лес, кто по дрова*, переданной описательно *ზოგი რას, ზოგი რას* (букв.: «кто что, кто что»): «Жильцы горланили кто в лес, кто по дрова – иные договаривали, что умели, о случившемся событии; другие ссорились и ругались; иные затянули песни...» – «მდგმურებიც ყველანი უთავბოლოდ გაჰკიოდნენ და ყვიროდნენ, ზოგი რას, ზოგი რას, – ზოგი მომხდარი ამბის შესახებ განაგრძობდა ლაპარაკს, ზოგიც ჩხუბობდა, ილანძღებოდა; სხვებმა კი დევ სიმღერა გააბეს...». В данном случае как нельзя лучше подошла бы грузинская поговорка «ერთი ალთას, მეორე ბალთას» (говорится, когда в каком-н. деле, или в чем-н. сказанном одно не соответствует другому, происходит несогласованно, нестройно).

Переводчики отказались от передачи фразеологизма *руки на себя наложить*, который по каким-то причинам был опущен в переводе: «Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это все равно!) – «აკი შენც გადალახე... შესძელი გადაგელახა. თვითონ დაღუპე შენი სიცოცხლე... (ეგ სულ ერთია!). შეგეძლო სულისა და გონებისათვის გეცხოვრა, ახლა კი სენაზე უნდა ამოგხდეს სული...». Между тем как грузинский фразеологизм *ხაზის გადასმა* (все перечеркнуть, свести к нулю, вычеркнуть, уничтожить) в данном контексте был бы весьма уместен.

Подводя итог анализу способов достижения межъязыковой адекватности при передаче на грузинский язык фразеологизмов романа «Преступление и наказание», можно сделать следующие выводы: переводчикам в целом удалось отобразить в переводе одну из важнейших художественно-изобразительных особенностей стиля Ф.М. Достоевского; в переводе были задействованы разнообразные приемы передачи ФЕ; языковое творчество переводчиков проявилось в умении распознавать потенциальные возможности, заложенные в семантику фразеологизмов, и на этом основании принимать правильные переводческие решения; современные электронные базы и двуязычные фразеологические словари предоставляют возможность корректировки некоторых стратегий рассмотренного перевода, что, возможно, будет учтено при последующих изданиях на грузинском языке бессмертного романа великого русского писателя.

Литერატურა

1. База данных фонда идиом и пословиц грузинского языка // Электронный ресурс: <http://idioms.tsu.ge>. (Дата посещения: 24.02.2021).
2. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. – М.: Изд.-во института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Грузинско-русский фразеологический словарь. – Тбилиси: САБЧОТА САКАРТВЕლო, 1966. – 640 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 5. – М.: Правда, 1982. – 544 с.

5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Русско-грузинский словарь // Электронный ресурс: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки..** (Дата посещения: 24.02.2021).
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
8. დოსტოვესკი თ. მ. დანაშაული და სასჯელი. თბილისი: საბჭოთა საქართველო, 1977. – 680 ს.
9. დოსტოვესკი თ. მ. დანაშაული და სასჯელი/ თარგმანი ინ-ანისა // მოამბე, 1905. – №1-12, ტფილისი: სტამბა წიგ. გამ. ქართ. ამხანაგობისა.
10. კვესელავა რ. „დანაშაული და სასჯელი“ ქართულ ენაზე // ლიტერატურული გაზეთი. 1959. 21 მარტი. – ს. 4.